

## Знаки памяти в романе Ю.В. Трифонова «Исчезновение»

Семенова Ксения Алексеевна

Студентка Самарского государственного университета, Самара, Россия

Проблематика памяти может рассматриваться как своеобразный ключ к пониманию творчества Трифонова: в его произведениях она выступает в самых разных аспектах, но, в первую очередь, она связана с осмыслением времени и истории. Именно этот аспект и рассматривается в нашей работе на материале романа «Исчезновение».

В структуре романа резко противопоставлены два временных плана: план «прошлого» и план «настоящего». Прошлое оказывается основой для настоящего, часто неосознаваемой героем: настоящее формируется прошлым, можно сказать, оно состоит из следов прошлого, своеобразных знаков памяти. Знаки памяти либо дразнят героя, жаждущего вернуть утраченное время (Игорь в «Исчезновении»), либо преследуют того, кто стремится забыть прошлое (Глебов в «Доме на набережной»), либо ставят перед героем задачу, требующую решения (Летунов в «Старике»). Герои или живут прошлым, или, напротив, бегут от него, а в более сложных случаях совмещают то и другое.

В романе «Исчезновение» знаки памяти являются преимущественно индексальными [Ревзина: 14], например, запахи. Узнавание «прошлого» в «настоящем» зачастую связано с узнаванием запаха (узнавание бабушки Веры по запаху «комода, лежалости и сухих духов»). В то же время многие вещи пахнут уже не так, как им положено (сало – махоркой, кофе – сосновой доской). Предметы перестают указывать на «прошлое», обозначая разрыв между двумя историческими эпохами.

Другого рода знаками оказываются сны (сон о разбитом зеркале в самом начале романа, впервые отсылающий к плану «прошлого»; страшный сон об усатой женщине, где символически переосмысливается жизненная ситуация главного героя).

Хотя прошлое постоянно «просвечивает» сквозь сформированное им настоящее, существует и обратное соотношение между ними. Именно настоящее делает прошлое прошлым, вытесняет его в неведомые периферийные зоны времени. А. Зализняк указывает на то, что в русском языке слово *забыть* образовано от глагола *быть* с помощью приставки *за* с тем же значением, что и в словах *заитопать*, *замолить*, *заспать* (ребенка); использование этой модели можно связывать с метафорой забвения как зарастающей травой могилы [Зализняк: 1].

Так и у Трифонова прошлое представляется безвозвратно утерянным, но постоянно напоминающим о себе. Роман «Исчезновение» начинается с того, что у шестнадцатилетнего Игоря пропадают дневники. Сообщение о потере дневников открывает возможность расслоить текст на два временных пласта – «прошлого» (1937 г.) и «настоящего» (1942 г.). Навсегда утраченное, отсутствующее образует теперь важнейший подтекст настоящего, в свете которого реалии актуально присутствующего становятся знаками отсутствующего – прошлого, неявно определяющего поведение героев. Но и изображение прошлого, в свою очередь, также отягощено множеством моментов непосредственно невысказанного, благодаря чему и прямое изображение прошлого изобилует подтекстами, обладает своей знаковой структурой.

В основе этой структуры образа в романе «Исчезновение» лежит постоянное противопоставление плана «прошлого» и плана «настоящего», осуществляющееся на разных уровнях. На уровне композиции произведения это его двухчастность: фабульно не связанные друг с другом части текста, прямо изображающие различные во времени миры (1942 и 1937 гг.). Тем не менее, план «настоящего» насыщен знаками, напоминающими героям о плане «прошлого». Трифонов постоянно указывает на неизбежность того, что настоящее в том виде, в каком оно существует, само по себе является своеобразным знаком, отсылающим к погребенному в недрах памяти прошлому.

На уровне организации подтекста, создающей систему «знаков памяти», это:

1. Грамматическое противопоставление форм настоящего и прошедшего времени глаголов, указывающее на разрыв двух пластов повествования;

2. Изображение сходных ситуаций, которым придается полярное значение (разночтения в оценке потерянного чемодана; изменение образа Давида);

3. Исчезновение в «настоящем» центральных героев плана «прошлого» и перемещение периферийных персонажей в центр (положение персонажа в системе «настоящего» всегда знаково, оно объясняется линией поведения в «прошлом»);

4. Система точек зрения: «настоящее» видится только с точки зрения Игоря, в то время как в «прошлом» мы наблюдаем полифонию; в «Исчезновении» у точки зрения совершенно нет фразеологического выражения, благодаря чему возможно органичное сочетание разных сознаний и разных оценок одного и того же явления в пределах одного кванта текста.

Противопоставление сознаний Игоря и Горика, только формально принадлежащих одному человеку, также может служить критерием разграничения временных планов. То, что для Горика – повседневная реальность, для Игоря – знаки чего-то большего, чем быт.

В плане «настоящего» прошлое как бы исчезает вместе с возможностью говорить о нем, так как это может быть просто опасно. Пробелы в фабуле романа означают пробелы в сознании героев. Им легче забыть свое прошлое, чтобы не потерять смысл, который они вкладывали до сих пор в жизнь. Чтобы сохранился этот смысл, нужно, чтобы исчезли события, его отрицающие (то есть, чтобы те или иные реалии перестали быть «знаками памяти»).

Противопоставленные временные пласты на самом деле глубоко связаны. Говорить о том, что планы «настоящего» и «прошлого» объединены еще одним, «надвременным» планом, позволяет первая глава романа, в которой появляется форма повествования от первого лица. «Я», которое обнаруживает себя здесь – синтез представляющих два временных плана точек зрения (Горика и Игоря). Это центр, который выстраивает вокруг себя отсутствующую в сорок втором году память об исчезнувшем мире тридцать седьмого года. Вспоминаемое время не принадлежит нарратору, именно поэтому повествование в основной части романа и не может вестись от первого лица.

Хотя знаки памяти и попадают героям на каждом шагу, зачастую персонажи просто не в состоянии расшифровать их. Эту работу должен проделать читатель, воссоздав и осмыслив с помощью авторских подсказок «план памяти».

Применительно к поэтике Хармса М. Ямпольский формулирует идею о том, что «только в финальный момент исчезновения», поглощенное памятью, тело предстает «в своем истинном облике» [Ямпольский: 171]. Трифионов в своем романе заставляет «прошлое» проделать тот же путь – через исчезновение для героя к подлинному осмыслению на уровне художественного целого.

#### Литература

Зализняк А.А. Концептуализация забвения по данным русского языка // [www.ksu.ru/ss/cogsci04/science/cogsci04/92.doc](http://www.ksu.ru/ss/cogsci04/science/cogsci04/92.doc).

Ревзина О.Г. Память и язык // <http://www.philology.ru/linguistics1/revzina-06.htm>.

Ямпольский М. Беспмятство как исток (Читая Хармса). М., 1998.